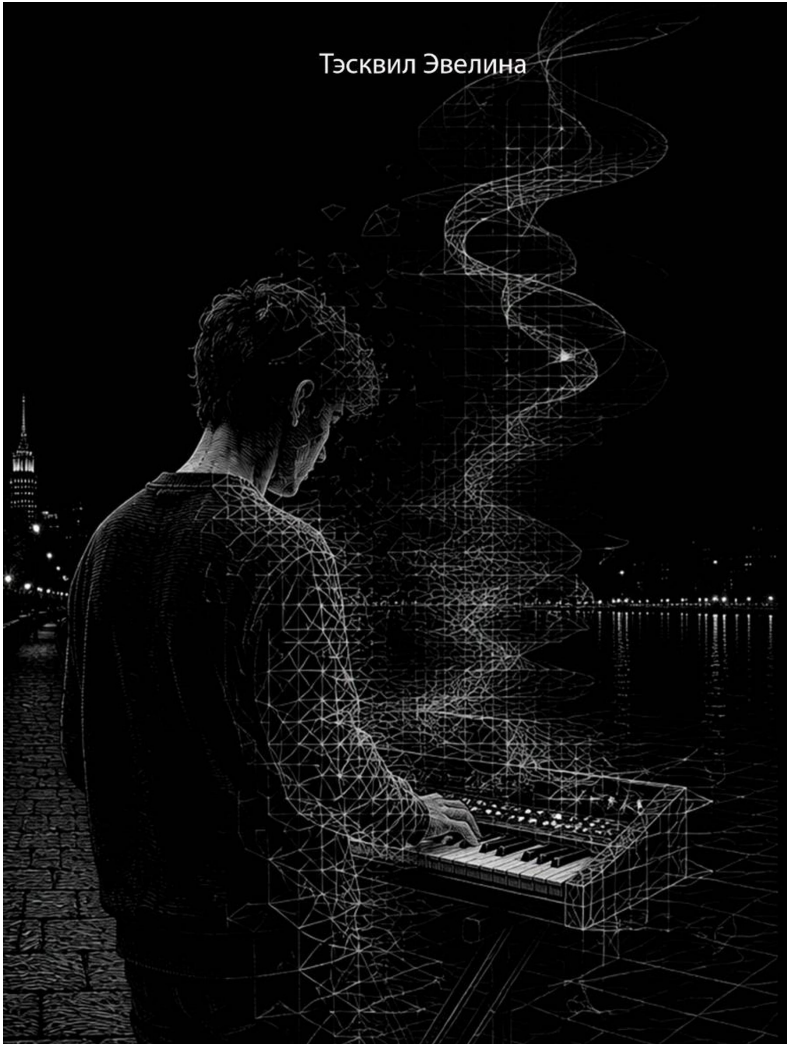
Тэсквил Эвелина

ПЕРЕСБОРКА

Эвелина Тэсквил
Пересборка

https://litres.ru/75064362
SelfPub; 2026

Аннотация

Уличный музыкант Роман привык держать мир на расстоянии вытянутой руки. Вечерняя набережная, старый синтезатор, лупер и холодное одиночество — в его жизни нет места случайностям и чужим привязанностям. Всё меняется в одну ночь, когда пальцы на клавишах сами начинают выводить сложнейшие партии, которым он никогда не учился, а в лицах случайных прохожих вдруг оживают воспоминания из жизней, которых у него никогда не было.

Чтобы не сойти с ума, Роман начинает фиксировать каждый сбой, ещё не зная, что его поиск ответов уже привлёк внимание тех, кто стоит за пределами привычной реальности. В тихом пространстве после запятой два Верховных Архитектора фиксируют беспрецедентную аномалию: в их закрытой системе запустился неизвестный фоновый процесс, защищённый протоколом, перед которым бессильны даже создатели миров.

Что это — опасный взлом, чужой эксперимент или финальный аккорд замкнутого цикла, после которого привычный мир рассыплется на контуры?

Содержание

ГЛАВА 1. ФАНТОМНЫЙ РИТМ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Пересборка

Эвелина Тэсквил

Пересборка

«Чтобы выйти за пределы замкнутого круга, недостаточно увидеть его границы. Нужно выдержать вес всех шагов, которые привели тебя к краю».

Психологический -триллер
2026

ГЛАВА 1. ФАНТОМНЫЙ РИТМ

«Иногда руки помнят дорогу задолго до того, как разум поймёт, куда она ведёт».
Тэсквил Э.В.

Вечерний ветер с реки всегда приносил холод раньше, чем на набережной зажигались фонари. Роман привык к этому задолго до того, как купил свой первый аккумуляторный комбик и научился не обращать внимания на онемевшие от сырости кончики пальцев.

Он стоял у чугунных перил, чуть в стороне от основного потока гуляющих, и смотрел на тёмную воду. Чёрный свободный свитшот с закатанными до предплечий рукавами едва спасал от ноябрьской промозглости, но надевать куртку во время игры Роман не любил — плотная ткань сковывала движения, а ему нужно было чувствовать каждый миллиметр пространства вокруг стойки с синтезатором.

На складном столике рядом с усилителем остывал картонный стаканчик с чёрным кофе без сахара. Роман обхватил его обеими ладонями, грея костяшки пальцев, и лениво про-

следил взглядом за парочкой, которая притормозила в паре метров от открытого чехла, куда обычно бросали купюры. Девушка в светлом пальто уже потянулась за телефоном, чтобы снять видео, но поймала прямой, тяжёлый взгляд Романа и тут же отвела глаза, потянув спутника дальше по аллее.

Роман усмехнулся уголком губ. Ему не нужна была дешёвая массовка и чужие сторис. В двадцать три года он точно знал две вещи: люди в большинстве своём слушают музыку только для того, чтобы заглушить собственную пустоту, и подпускать их ближе, чем на длину провода от микрофона, себе дороже.

Он поставил пустой стаканчик на асфальт, размял кисти до сухого хруста и опустил пальцы на клавиши.

Сначала пошёл низкий, вязкий бас — плотный, как гул ночного города перед грозой. Роман нажал педаль лупера, закольцевал дорожку и добавил сверху короткий, рваный ритм, отбивая его ребром ладони по корпусу инструмента. Через секунду вступил основной мотив — холодный, прозрачный, с едва уловимой горчинкой. Звук ложился слоями, один на другой, выстраивая в сыром воздухе невидимый каркас, внутри которого становилось легче дышать.

Роман наклонился к микрофону и запел. Голос у него был негромкий, с легкой хрипотцой, но в нём жила та самая редкая, обжигающая искра, от которой даже случайные прохожие в наушниках вдруг сбавляли шаг и оборачивались. Он не смотрел на них. Глаза его были полуприкрыты, а подбородок чуть приподнят с тем холодным, отстранённым упрямством, словно он играл не для толпы, а для кого-то невидимого, стоящего далеко за линией горизонта.

На третьем куплете произошло то, чего раньше не случалось ни разу.

Пальцы левой руки, которые должны были уйти в привычный минорный переход, вдруг резко сменили рисунок. Они заскользили по клавишам с пугающей, нечеловеческой скоростью и точностью, выстраивая сложнейшую полифоническую партию — такую, которую без десяти лет консерватории и ежедневных многочасовых гамм сыграть было физически невозможно. Роман не знал ни нотной грамоты в таком объёме, ни этой мелодии. Он смотрел на собственные руки как на чужие, чувствуя, как мышцы предплечий наливаются знакомой, давно забытой усталостью, а сознание на доли секунды проваливается в ледяную пустоту.

Перед глазами вспыхнуло чужое небо — ослепительно-белое, без единого облака, разрезанное тонкими светя-

щимися линиями. В груди кольнуло так остро, словно туда загнали осколок стекла, и вместе с болью пришло ледяное, абсолютное знание: время на исходе. Остался последний круг.

Роман резко сдёрнул руки с клавиш. По динамику прокатился короткий, захлёбывающийся скрежет, лупер оборвал петлю, и на набережную упала густая, звонкая тишина.

Он стоял, тяжело опираясь ладонями о край стойки, и пытался выровнять дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы всё ещё мелко подрагивали, продолжая на автомате выстукивать по пластику корпуса тот самый невозможный, чужой ритм.

***

Наверху, в залитой тёплым янтарным светом комнате кармана после запятой, воздух пах свежим травяным чаем с чабрецом и дождём, которого здесь на самом деле не было.

Анастасия сидела за широким деревянным столом в мягком тёмном свитере, поджав под себя одну ногу, и лениво накручивала на палец огненно-рыжую прядь. Перед ней в воздухе разворачивалась многослойная схема той самой песочницы — десятки полупрозрачных слоёв, графиков и пото-

ков, которые обычные Архитекторы четвёртого измерения обычно проверяли целыми командами, но Верховным Архитекторам достаточно было одного взгляда, чтобы увидеть всю архитектуру целиком.

Марк сидел рядом, облокотившись на спинку её стула, и время от времени отпивал тёплый чай из своей кружки, внимательно следя за тем, как его жена сужает область поиска.

— Обычные Архитекторы туда точно не лезли, — негромко сказала Анастасия, проводя ладонью по голограмме и отсекая лишние континенты и города. — Я проверила все журналы доступа по четвёртому уровню. Ни одного внешнего подключения за последние три цикла.

— Значит, сбой рождается внутри самой песочницы, — Марк наклонился ближе, коснувшись губами её виска, и указал пальцем на мерцающий узел на окраине ночного города. — Смотри. Потребление ресурсов скачет только в радиусе трёх кварталов вокруг этого объекта. Сначала у реки, теперь здесь, в жилом массиве. Оно перемещается.

Анастасия прищурилась, вытягивая сектор в объёмную проекцию. На экране проступили контуры старой пятиэтажки, узкая кухня, тусклый свет лампочки в коридоре и размытый, словно засвеченный на старой плёнке силуэт человека

у зеркала.

— Попробуй прогнать глубокое сканирование матрицы, — предложил Марк, уже без тени улыбки. — Если это баг в геометрии персонажа, система сразу покажет битый сегмент.

Анастасия кивнула и запустила диагностику. Золотистая сетка сканера скользнула по проекции квартиры, коснулась силуэта у зеркала — и в ту же секунду рассыпалась мелкой серой рябью.

В воздухе над столом зависло сухое системное предупреждение без подписи и без кода ошибки: «Сектор зарезервирован. Вмешательство Верховных Архитекторов запрещено».

Анастасия медленно откинулась на спинку стула, чувствуя, как по спине пробежал холодок. В четвёртом измерении не существовало никого выше них — никого, кто мог бы поставить запрет на их собственный мир.

Марк молча накрыл её ладонь своей, переплетая пальцы, и в янтарном свете комнаты оба поняли, что простая проверка логов только что превратилась в самое странное расследование за всю их бесконечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.